

Ф

**ИЛОСОФСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ**
междисциплинарного
синтеза

Коллектив авторов

**Философские проблемы
междисциплинарного синтеза**

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2015

УДК 1
ББК 87

Коллектив авторов

Философские проблемы междисциплинарного синтеза /
Коллектив авторов — «Издательский дом “Белорусская наука”»,
2015

ISBN 978-985-08-1810-2

Целью монографии, подготовленной на базе Центра философско-методологических и междисциплинарных исследований Института философии НАН Беларуси, явилось обсуждение опыта, достижений и проблем, связанных с конкретными формами междисциплинарного синтеза, в котором продуктивно участвует философское знание. Будет полезна ученым естественнонаучного, технического и гуманитарного профиля, специалистам в области конвергентных дисциплин, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам и студентам, всем, кто интересуется актуальными проблемами междисциплинарного научного познания.

УДК 1
ББК 87

ISBN 978-985-08-1810-2

© Коллектив авторов, 2015
© Издательский дом “Белорусская
наука”, 2015

Содержание

Введение	6
Глава 1. Философско-методологические основания интеграции научного знания	12
1.1. Становление современного стиля мышления: богатство общего и диалектика особенного	12
1.2. О синтезе целостности в трансдисциплинарном аспекте	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Дмитрий Широканов, Вера
Белокрылова, Виталий Демиров и др
Философские проблемы
междисциплинарного синтеза**

Научный редактор академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор *Д. И. Широканов*

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *П. В. Кикель*

доктор философских наук, профессор *В. П. Старжинский*

© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2015

Введение

Важнейшей особенностью современного научного познания является акцент на сотрудничество различных дисциплин, привлечение к научному процессу специалистов и организаций, обладающих целым спектром теоретических и практических компетенций.

Эта особенность проявляется на всех уровнях функционирования науки: 1) как системы рациональных знаний, 2) как специально организованной деятельности по их получению, проверке, операционализации, 3) как социального института. В первом случае она мотивирована тем, что исследование сложных явлений и процессов природы, общества, технической сферы требует сочетания различных, порой исходящих из несовпадающих теоретических оснований и подходов. Во втором – обусловлена характером самого «социального заказа» на науку и в немалой степени тем обстоятельством, что важнейшие современные инструменты финансирования научных исследований, такие как Рамочные программы Европейского союза, не только допускают, но и прямо предполагают формирование научных консорциумов междисциплинарного и международного характера. В третьем аспекте новые формы организации научного процесса детерминируются необходимостью оптимального распределения ресурсов научной деятельности, а в ряде случаев – и потребностью в консолидации научно-интеллектуальных элит для представления и защиты своих интересов в сфере социального управления, бизнеса, в широком общественном сознании.

Многие исследовательские программы современной науки выступают в каком-то отношении предпосылкой, а в другом – результатом процесса интеграции научного знания и сообщества ученых. Цементирующим фактором этих программ являются различные формы коммуникации между субъектами научного процесса – от простого диалога, взаимного согласования концептуальных картин до тесной кооперации и даже до ситуаций, когда одна дисциплина практически ассимилирует другую. Трудности на пути их формирования связаны с выработкой «общего языка», согласованием устоявшихся базовых допущений и расширительных интерпретаций, характерных для отдельных дисциплинарных «картин мира», конструированием предметных областей и выбором объектов совместных исследований.

Неоднозначность обозначенных процессов, их многослойный характер привлекают на протяжении последних десятилетий внимание ученых, историков, социологов и философов науки. Благодаря их работе постепенно складывается новый образ архитектуры научных процессов, выходящий за рамки классического понимания «системы» и «древа» наук. Этот образ все еще не избавлен от внутренних противоречий, спекулятивности, схематизма. И вместе с тем он приближает нас к пониманию того, какую роль играет наука в общественной динамике в условиях становления информационной цивилизации, общества, основанного на знаниях.

Сердцевиной нового понимания науки является представление о «новой дисциплинарности», конкретизируемое в концепциях междисциплинарного, трансдисциплинарного, кросс-дисциплинарного, постдисциплинарного познания и знания. Эти концепции, связанные с именами К. Поппера, Т. Куна, П. Фейерабенда, Ж. Пиаже, Э. Джайда, Дж. Баклера, Дж. Раппорта, М. Соммервилля, В. С. Стёпина, Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова, В. Г. Горохова, В. Н. Поруса, М. А. Розова, Л. П. Киященко и многих других авторов, отчасти конкурируют, отчасти дополняют друг друга. В них делается акцент на новые формы и протоколы коммуникации ученых, новые критерии валидности и, так сказать, «ценности» научных идей, новые механизмы циркуляции знания внутри всего интеллектуального пространства современного общества, освобожденного от многих внутренних барьеров.

Наряду со своим эвристическим потенциалом, концепции «новой дисциплинарности» оставляют целый ряд вопросов. Можно ли говорить о ней как о новом этапе исторической

эволюции науки, либо все, что мы наблюдаем, – лишь следствие бурного научно-технического развития последних десятилетий, давшего много информации, которая нуждается в рефлексии и упорядочении, а по завершении этого этапа научный процесс более или менее вернется на прежние рельсы? Является ли «новая дисциплинарность» естественным или особым, экстраординарным состоянием науки, случаем, требующим специального проектирования и регулирования? Не вправе ли мы сказать, что, двигаясь к постдисциплинарному знанию, мы на самом деле возвращаемся к некоему образу его раннего, додисциплинарного состояния? И если да, то является ли это движением по кругу или по спирали? Не претендуя на то, чтобы дать развернутый ответ на эти вопросы, сделаем несколько оговорок, касающихся общей идеи материалов, представленных в данной книге.

Во-первых, следует отметить, что феномен новой дисциплинарной организации тесно связан со становлением постнеклассической науки, характеризующейся ценностной нагруженностью и человекомерностью. Едва ли случайно, что объектами специального исследования диалог и сотрудничество исследовательских программ стали лишь во второй половине XX в.

Во-вторых, формирование «новой дисциплинарности» рассматривается нами не как проходящее явление, а как действительный исторически, культурно и экономически обусловленный процесс, который набирает силу на наших глазах и в будущем обещает кардинально изменить облик науки как системы знаний, вида деятельности и социального института. Этот процесс имеет особый вектор развертывания, связанный с общенаучным и, говоря шире, общекультурным понятием синтеза как объединения потенциалов, достижения нового системного качества, снятия противоречий.

В-третьих, понятие «междисциплинарный синтез», вынесенное в заглавие работы, не исчерпывает ее предмета, и это сделано с умыслом. В работах методологов и теоретиков науки идет дискуссия как о содержании понятий «междисциплинарность», «трансдисциплинарность», «постдисциплинарность», так и о логических отношениях между ними. Она далека от завершения, поскольку жизнь и научная практика постоянно вносят новые оттенки в понимание путей и возможностей синтеза дисциплин. Отчасти она продолжается и на страницах данной книги. Конечно, расставить акценты в этой дискуссии – задача, которую как раз философия и призвана решать. Но расставить акценты – не означает императивно задать какой-то свой, зарождающийся внутри самого философского сообщества схематизм. Поэтому в нашей книге речь пойдет обо всем спектре вариантов «новой дисциплинарности», а чтобы обозначить их одним словом, мы используем самые, пожалуй, распространенные и известные за пределами методологического дискурса понятия – «междисциплинарные исследования», «междисциплинарный синтез».

В-четвертых, имеет смысл говорить как минимум о двух типах междисциплинарной интеграции – «междисциплинарности избыточности», подразумевающей экспорт/импорт положительно зарекомендовавших себя эпистемологических средств, и «междисциплинарности недостаточности», связанной с необходимостью наполнения проблемных лакун, образовавшихся в «зазорах» между традиционно очерченными предметными границами. Соответственно возможный диапазон междисциплинарных взаимодействий можно зафиксировать следующим образом: 1) экспорт/импорт концептуально-методологических средств между предметными областями; 2) совместное освоение нейтральных (чаще всего новых) проблемных пространств, не получивших дисциплинарного суверенитета либо уже утративших его.

В-пятых, мы далеки от мысли, что междисциплинарность (особенно понятая узко, сугубо формально, как руководство к действию по слиянию различных научных коллективов, традиций и школ воедино и финансированию только междисциплинарных проектов) – универсальный ответ на проблемы и противоречия науки. Это совершенно не так. Перефразируя известное выражение, для модернизации научной сферы нам нужна интеграция исследовательских подходов, насколько это возможно, при сохранении суверенитета дисциплин (вклю-

чая поддержку продуктивно работающих научных школ, традиционных форм преемственности знания, систем воспроизводства научных кадров), насколько это необходимо. По словам российского ученого-биолога А. А. Оскольского, любая серьезная междисциплинарная новация требует от ученых безупречного уровня квалификации в их собственных дисциплинах. Только при таком условии возможен продуктивный синтез теорий, методологий и этических принципов разных дисциплин. Междисциплинарность – это та роскошь, которую может позволить себе лишь развитая дисциплинарная наука.

Сегодня в процессы междисциплинарной коммуникации и синтеза активно вовлекается современное социогуманитарное знание. С одной стороны, это позволяет ему стать равноправным участником диалога ученых, содействовать выработке интегрированных подходов к обустройству человеческого мира. С другой стороны, именно в секторе гуманитарных наук междисциплинарные процессы имеют свою специфику, связанную с требованиями практической ориентированности. Реформирование отечественной науки, сосредоточение ее усилий на решении конкретных проблем общественного развития обуславливает необходимость координации усилий специалистов различных областей, и важная роль в этом процессе принадлежит гуманитариям.

Процессы и явления социальной действительности по природе своей сложноорганизованны и многоаспектны. Их достоверному теоретическому отображению способствует именно междисциплинарный формат, который предполагает объединение усилий дисциплин для решения конкретных проблем, имеющих различные уровни и срезы. В теоретическом плане каждая из дисциплин, находясь в совместном научном поиске, ассимилирует полезный опыт, преодолевая собственную концептуальную и предметную замкнутость и одновременно способствует преодолению ее у других.

Однако «полифония» предметных срезов и исследовательских позиций автоматически не ведет к искомой многомерной картине реальности. Для ученого работать в режиме междисциплинарности – это не просто работать в команде, это прежде всего слышать, понимать, проявлять гибкость, не жертвуя при этом идентичностью собственной интеллектуальной позиции. Это же в полной мере относится и к интеграции научной дисциплины в междисциплинарное пространство.

Междисциплинарные проекты испытывают объективную потребность в теоретической медиации. Характерный для предметно-дисциплинарного знания «одномерный» дискурс со специализированными языками, объяснительными схемами и концептуальными конструкциями автоматически невозможно просто так перевести в междисциплинарный формат. И здесь возникает еще одна задача философии в междисциплинарном пространстве. Она должна взять на себя роль посредника, переводчика и аналитика в диалоге через границы исследовательских программ, традиций, школ. Ведь все то, что связано с пониманием, интерпретацией, трансляцией и репродукцией культурных смыслов, явных и неявных оснований и предпосылок познавательного процесса, – все это принадлежит к суверенной территории философского знания. Основная миссия философии – предложить перспективные направления и основания возможных сценариев мышления и действия в условиях неопределенности, которая в переизбытке присутствует в эпоху стремительных трансформаций общества, экономики, культуры и самой науки.

Философское участие в междисциплинарных исследованиях позволяет зафиксировать и, по возможности, даже нейтрализовать экспансию еще одного неоднозначного, но стремительно набирающего силу феномена современности – релятивизма, который характерен для самых различных областей социальной практики – науки, политики, культуры, морали. Философия в силу своей традиционной специализации ищет ответы на «вечные вопросы», но сами ее ответы отнюдь не являются вечными. Философский подход позволяет объединить установки истори-

цизма и контекстуализма с одной стороны и общечеловеческий характер базовых гуманистических, нравственных, познавательных идеалов – с другой.

В сферу теоретической ответственности философии входит также критическое рефлексивное осмысление существующих познавательных и ценностных установок. В постклассическом познавательном контексте для нее характерен повышенный интерес к трансдисциплинарным концептуально-методологическим средствам, расширяющим ее собственные горизонты. В связи с этим следует отметить подходы, получившие универсальную значимость в рамках современного стиля научного мышления: информационный, системный, деятельностный, эволюционный, синергетический, сетевой.

Вместе с тем в интеллектуальной культуре современного общества к эвристическим возможностям философии складывается, прямо скажем, скептическое отношение. Нельзя отрицать, что доля вины за это ложится на самих философов. Постклассические стратегии философствования нашли преломление в политической практике, в литературе и искусстве, однако оказались недостаточно востребованы естественнонаучным и инженерным мышлением. Философия нашего времени порой демонстрирует увлеченность игрой понятий, акцент на самовыражение опыта философствующего вопреки пониманию читателем, сосредоточенность на внутренней жизни философского сообщества вопреки вовлечению в дискурс общественной практики. Все это в конечном счете привело к тому, что философия в общемировом масштабе оказалась не способна предотвратить негативные эффекты чисто технократического мышления, распространения потребительских установок.

Однако на заре нового столетия и научно-инженерная, и политическая элита общества все больше осознает необходимость коррекции цивилизационной парадигмы развития. Все громче и настойчивее звучат призывы к гуманитарной, духовной, экологической «перезагрузке» социума. Приходит время и для философии реактуализовать свой социально-преобразовательный потенциал, перевернув страницы своих отступлений и непростых рефлексий над их причинами. Конечно же, научный прогресс сегодня позволяет намного предметнее и детальнее, нежели сто или пятьдесят лет назад, судить о строении материи, природе и механизмах сознания, закономерностях развития сложных систем – всем том, о чем прежде говорили, опираясь только на философские интуиции и обобщения. Но, думается, это отнюдь не означает, что предметность философии истощается и вот-вот иссякнет напрочь. За нею остается функция обоснования приоритетов развития науки и общества, теоретического моделирования их достижений и возможных кризисов, осмысления того, как складываются, функционируют, эволюционируют метасистемы «человек – общество – техника – природа», «политика – экономика – культура», «государство – цивилизация (мир-система) – Вселенная» и т. п. Философия не проводит решительной границы между разными видами духовного производства – наукой, искусством, религией, – ибо этой границы нет в сознании живого человека. В рамках философии постигаются тенденции, выявляются перспективы развития взаимосвязанных систем в социально-экономической, медико-биологической, экологической, нравственно-правовой и других сферах. Именно философское измерение познания обеспечивает устойчивую ориентацию на практику – то есть на жизнь, чувства, поведение конкретных людей, общества в целом.

Но не переоцениваем ли мы здесь метанаучный статус философского знания? Может быть, идея метауровня остается лишь допущением, конструктом, недостижимым в реальности? «Математик, естествоиспытатель, логик, как бы далеко не подвинулись вперед в познаниях разума... все же остаются только виртуозами разума.

Но у нас есть еще идеал учителя, руководящего всеми этими [учеными] и пользующегося ими как орудиями для содействия существенным целям человеческого разума. Только такого учителя следовало бы назвать философом; но... такого учителя нигде нет, а идея его законодательства находится "во всяком человеческом разуме"», – писал И. Кант в «Критике

чистого разума»¹. Так или иначе происходящие в науке трансформации, смена типа рациональности, прагматизация знания вообще и научного знания, в частности, требуют от философии выработки новых способов самопозиционирования. Это подразумевает, в первую очередь, дополнение идентификации философии как «метазнания» (тем более «метазнания-в-себе», интересного, в основном, самим философам) более гибкой тактикой пограничного диалога с научными дисциплинами и самыми различными культурными формами.

Интегративные тенденции в науке вовлекают философию в активное взаимодействие с самыми различными отраслями знания. В нем философия должна не просто довольствоваться ролью посредника, но и продуктивно решать собственные исследовательские задачи. Расширение и обогащение горизонтов философской рефлексии происходит посредством трансцендирования за пределы закрепленных традициями предметных сфер. Этим способом существования философия и отличается от других наук. Она совершенствует свой рефлексивный инструментарий, осваивая концептуальный и методологический багаж ближних и дальних научных областей и одновременно оказывая воздействие на их собственные механизмы развития. Вот и сегодня междисциплинарное взаимодействие философии и биологии, философии и кибернетики, философии и психологии, философии и языкознания открывает перспективный взгляд на обширные предметные области, становясь катализатором так называемых поворотов в современной науке – антропологического, лингвистического, когнитивного.

Что же может предложить философия своим научным партнерам сегодня, что может позаимствовать у них и использовать на своей «территории»? Как развивался и продолжает развиваться диалог философии и науки, и на пользу ли им обоим этот диалог? На эти и многие другие вопросы авторы ищут ответы в настоящей работе.

Здесь необходимо сказать несколько слов о форме построения самой книги. Подступая к такой масштабной задаче, как организация дискуссии вокруг направлений эволюции и интеграции научного знания, можно следовать одному из двух путей. Первый из них – назовем его «путь Органона» – подразумевает систематизацию и философское осмысление сколь возможно широкого спектра позиций и типов предметности, характерных для современной науки. Это базовый, наиболее фундаментальный подход. Ему следуют, к примеру, работы крупнейших представителей отечественной методологической школы, такие как «Теоретическое знание» В. С. Стёпина (М., 1999), «Философия науки и техники» В. С. Стёпина, В. Г. Горохова. М. А. Розова (М., 1995) и др. Второй – назовем его «путь феноменологии метода» – связан с раскрытием опыта погружения философского сознания в проблематику дисциплинарной идентификации и междисциплинарного синтеза, что в то же время есть опыт постановки и решения конкретных междисциплинарных задач. Такой подход можно рассматривать как более частный, кейс-ориентированный, связанный с методом проблемно-ситуационного самоанализа самой философской методологии. Несмотря на его более частный характер, он не менее важен, поскольку демонстрирует практику научного процесса «изнутри», с акцентом на реальные проблемные ситуации междисциплинарного познания.

Именно такой подход реализован в данном издании. Задачей его авторского коллектива является как демонстрация конкретных примеров продуктивного участия философских идей и концепций в междисциплинарной интеграции, так и рефлексия над статусом и перспективами философского знания в современном эпистемологическом пространстве.

Глава 1 книги посвящена философско-методологическим основаниям интеграции научного знания на современном этапе. Налаживание междисциплинарной коммуникации невозможно без рефлексивной фиксации и взаимного согласования исходных теоретико-методологических посылок, языков описания и объяснения. Философия выявляет, обосновывает и активно задает фундаментальные параметры познавательного пространства, рефлексивует над

¹ Кант И. Критика чистого разума. – М.: Наука, 1998. – С. 614–615.

историческими типами и стилистикой мышления, фиксирует перспективные тенденции продуктивного научного поиска. В книге рассматриваются пути и формы интеграции современных философских концепций в междисциплинарные исследования, организованные вокруг проблематики естественнонаучного и инженерного знания.

Очерчиваемые авторами в главах 2 и 3 проблемные аспекты тесно взаимосвязаны. Здесь и размышления над возможностями философии и логики в организации междисциплинарного взаимодействия, и осмысление возможности сближения эпистемологических программ реализма и конструктивизма, и опыт реконструкции генеалогии основополагающего для общественного понятия социального субъекта. В ряду освещаемых проблем – как традиционные для философско-научного диалога (к примеру, проблема времени), так и связанные с осмыслением новейших достижений науки (такие как культурно-антропологическое значение разработок в сфере искусственного интеллекта, распространения современных информационных технологий). Значительное внимание уделено междисциплинарному статусу и потенциалу современных разработок в области образования, воспитания, кадровой работы.

Замысел монографии связан с признанием многовекторного характера «концептуального трансфера» в междисциплинарных проектах – эволюции идей и методов познания от философской проработки до воплощения в научно-исследовательской практике и их возвратного восхождения к новой ступени философского осмысления. Именно активное междисциплинарное партнерство могло бы сыграть для современной философии активную «антикризисную» и даже «реабилитирующую» роль. Конкретный позитивный опыт, своеобразное портфолио взаимовыгодного междисциплинарного сотрудничества поможет философии убедительно продемонстрировать свой эвристический потенциал. Но важно отметить, что свою значимую роль в междисциплинарном взаимодействии философия способна сыграть только при сохранении своей дисциплинарной специфики, которая требует говорить не только о философии в системе наук, но и о системе отношений «философия – наука». Организуя междисциплинарный диалог, философия не должна раствориться в нем, по-позитивистски превратиться в историю науки или доксографию научного знания.

Полагаем, что знакомство с книгой будет полезно не только ученым-гуманитариям, но и представителям множества естественнонаучных, инженерных дисциплин. Гипотезы и выводы авторов монографии могут оказать содействие в разработке сценариев модернизации научной сферы в Республике Беларусь и в других государствах, в частности там, где речь заходит о проблемах организации кластерных, проблемно-ориентированных научных проектов, об осуществлении комплексной научно-технической экспертизы и проектировании инновационных инфраструктур. Хочется верить, что совместная работа ученых многих специальностей над проблемами, обозначенными в данном издании, поможет скорейшей реализации сценариев науки завтрашнего дня.

Глава 1. Философско-методологические основания интеграции научного знания

1.1. Становление современного стиля мышления: богатство общего и диалектика особенного

Специфическое назначение философии в системе научных дисциплин состоит в выработке ею фундаментальных мыслительных инструментов, которые именно в силу своей всеобщности открывают новые методологические и мировоззренческие перспективы для решения конкретных задач в различных областях науки и социокультурной практики.

Эта ведущая, категориально-методологическая функция философии не может быть продублирована на конкретно-научном уровне именно в силу предметной специализации частных научных исследовательских программ, что неизбежно налагает определенные рефлексивные ограничения. Концентрация ученого (политика, менеджера) на прикладном результате способствует достижению эффективности, но неизбежно «выносит за скобки», оставляет вне поля рефлексивности, ряд фундаментальных оснований его деятельности (как в теоретическом, так и в практическом отношении). Эти основания, «универсалии культуры», которые присутствуют в научном и вненаучном мышлении, общественных отношениях, являются специфическим предметом философского знания.

Утилитарная результативность деятельности в ее краткосрочной перспективе не единжды на протяжении истории создавала иллюзию избыточности обобщающего философского осмысления. Но каждый раз, когда общество, наука, культура оказывались перед лицом кризисных тенденций, входили в переломные этапы своей эволюции, вновь и вновь востребованным становился фундаментальный, философский уровень осмысления действительности, выводящий мышление за горизонты самодостаточной эмпирической повседневности. Сказанное в полной мере относится к современной ситуации.

Как известно, потенциальной способностью быть всем обладает только то, что не является ничем в особенности. Это означает, что претендовать на всеобщность своих выводов может только область знания, не отождествляющая себя ни с одной из частных предметных областей, с ее теоретическим аппаратом, но раскрывающая такие принципы и законы мышления, которые инвариантны для каждой особенной области. Именно эта установка задает место философии в системе культуры на протяжении более чем двух тысячелетий. Философия в ее предметной и функциональной определенности имеет дело с человеческим мышлением, с бесконечно многообразными формами его субъективированного и объективированного бытия в культуре. Только философия как метарефлексивная дисциплина способна зафиксировать всеобщность структур, категорий и стилей мышления (и вытекающих из них типов социально-преобразовательных практик), сделать их основания прозрачными для самих субъектов, указать на противоречия и тупики, предложить пути совершенствования.

Одна из важнейших функций философии в системе человеческого знания – критический анализ стратегий современного мышления в качестве целостных, самоорганизующихся динамичных компонентов социокультурной деятельности.

В отечественном философско-методологическом знании понятие «стиль мышления» обладает богатой и разносторонней традицией. Говоря о стиле мышления, подразумевают операционально воспроизводимый, конструирующий «архетип» познавательной деятельности, в котором обобщены наиболее перспективные, в известном смысле инновационные познавательные практики, формы коммуникативной общности, структуры социокультурной действитель-

ности. В качестве исторических примеров можно привести механицистский и органицистский стили мышления, обусловленные исключительным социокультурным значением открытий в соответствующих областях научного знания. Явно или имплицитно схематизмы мышления наиболее инновационной отрасли науки образуют структурные параллели и в других отраслях.

Стилевые особенности мышления обнаруживают себя через взаимодействие сразу нескольких факторов в процессе познания: во-первых, активно-избирательное отношение к объектам, актуализирующее те или иные предметные срезы действительности в зависимости от интенциональных установок исследователя; во-вторых, конструирующая функция гносеологического субъекта. Такой субъект в терминах конструктивистской парадигмы может быть представлен как воспроизводящаяся и обосновывающая себя целостность, которая обладает некоторой степенью автономии по отношению к внешней среде и пропускает поток входящей информации через собственные «фильтры». Тем самым познающий субъект как бы непроизвольно согласовывает внешние воздействия с потребностями, интересами, целями когнитивно-семиотической системы своего сознания.

Можно сказать, что стиль мышления не просто результирует, обобщает, инструментализирует способ концептуализации объекта познания в нескольких конкретно-научных дисциплинах, но и сам является инструментом или инструментальной средой познания. Он «работает» как инструмент в той мере, в какой способ действия рефлексивного мышления в различных дисциплинах и отраслях научного знания подчиняется одним и тем же законам, и генерируемые им когнитивные структуры выступают как изоморфные образования.

С одной стороны, стиль мышления вносит устойчивость и качественную определенность, способствует теоретической кристаллизации связей, диспозиций, отношений в предметном пространстве исследования. С другой – стиливые особенности мышления в значительной степени задают саму эту предметную область, общие познавательные «координаты», топологию исследовательского пространства.

Доминирующий в науке последних десятилетий сетевой, системологический, синергетический стиль мышления характеризуют тесные междисциплинарные связи, внимание к аутопойетическим структурам, нежесткая, вероятностная трактовка детерминации. Одним из факторов его распространения выступили информационные технологии, которые не только изменяют способ производства материальных благ, но и продуцируют сдвиги в культуре, обществе, индивидуальном сознании. В то же время широко распространенному сегодня техницистскому мышлению жизненно необходим и «гуманитарный компонент» – средство интеграции мировоззренческого горизонта ученого в социальное, национальное, общечеловеческое идейное пространство, среду диалога, коммуникации, поиска компромиссных решений, способствующих устойчивому развитию. В этом смысле важно проанализировать, каким образом стиливые особенности современного научного мышления определяются коммуникативными и ценностными интенциями ученых.

Социоцентризм, коммунологическая направленность, учет опосредованности познания семиотическими контекстами, акцент на ценностную размерность практики – необходимые условия достижения сбалансированности естественнонаучных и гуманитарных компонентов в теоретическом освоении действительности. Анализ коммуникативного аспекта процесса научного познания позволяет определить стиль мышления в терминах внутренней целостности знаково-семантической системы. Стиливое единство обеспечивает продуктивность научной коммуникации в том, что касается и непосредственного общения ученых, и смысловой интерпретации научных текстов. Стиль мышления формирует и распространяет общепринятый контекст научного познания, обеспечивая его преемственность, устойчивость и целостность. Он синтезирует различные языковые блоки (естественный язык, язык философии, языки естественных наук), определяет способ сосуществования различных научных языков, их конку-

ренцию, «естественный отбор», само – и взаиморегуляцию, а также процессы понимания и перевода, возможности диалога и возникновения новых смыслов и нового знания.

Можно согласиться с мнением Л. А. Микешиной, которая, рассматривая проблему возникновения и функционирования стиля научного мышления, пишет, что «он проявляется и фиксируется в языке науки, главным образом в ее категориальном аппарате»². В соответствии с такой трактовкой стиль мышления проявляется в форме категориально-понятийного аппарата и предстает как эксплицитное знание, представленное в форме теоретических принципов и схем. Однако существует и противоположный подход, согласно которому стиль мышления функционирует как непроизвольно возникающий контекст науки на конкретно-историческом уровне ее развития. Такое понимание стиля научного мышления позволяет рассматривать его как неявное знание.

Современная методология научного познания допускает существование подсознательных, неявных элементов, имплицитных знаний-регуляторов научно-исследовательской деятельности, обусловленных возможностью скрытого воздействия на нее социокультурных, прагматических факторов. Так, М. Полани отмечает, что человек в практической деятельности, кроме явного знания, выражаемого вербально, параллельно использует еще и «молчаливое», имплицитное, знание. Если объект деятельности находится «в поле зрения» субъекта, то система средств этой деятельности может быть вытеснена в «периферическое сознание». Соответствующее периферическое знание «есть знание некоторых конкретных элементов, которые осознаются нами не сами по себе, а лишь посредством их вклада в постижение того целого, на котором сосредоточено наше внимание»³. Стиль научного мышления, как правило, получает категориальную фиксацию с когнитивным (вернее сказать, рефлексивным) «запаздыванием»: либо в рамках саморефлексии науки, либо в процессе философского анализа истории развития конкретной области знания.

Ряд авторов высказываются в пользу редукции стиля мышления к нерефлексируемым факторам мировосприятия и миропознания ученого, поскольку этот стиль «складывается из определенных правил, чаще всего явно не формируемых, а просто подразумеваемых, определяющих алгоритм научного исследования»⁴. В этом случае стиль научного мышления предстает как интересубъективная система архетипических представлений, образов, моделей, норм, функционирующих одновременно как в индивидуальном сознании ученых, так и в коммуникативном пространстве научного сообщества. Он служит способом трансляции неявного знания от одного познающего субъекта к другому, вследствие чего оно формирует интересубъективный контекст познания.

В стиле мышления синтезируются внешняя и внутренняя, причинная и не причинная формы детерминации. Анализируя изменения стиля мышления в биологических науках, М. Хаджаров приходит к заключению, что примером изменившегося стиля мышления здесь может служить конфликт между зародившейся генетикой и классическим дарвинизмом. Представления об активном гомеостатическом равновесии биологической системы и окружающей среды, при котором система способна сохранять свои жизненно важные параметры вопреки нарушающим равновесие воздействиям, прочно утвердились в биологии благодаря становлению представлений о системных объектах как специфических формах организации материального мира. Именно в этот период начинаются те существенные изменения в содержании понятия естественного отбора, которые с полным основанием можно отнести на счет изменения стиля мышления биологов⁵.

² Микешина Л. А. Детерминация естественнонаучного познания. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – С. 104.

³ Полани М. Личностное знание. – М.: Прогресс, 1985. – С. 130.

⁴ Чудинов Э. М. Теория познания и современная физика. – М.: Знание, 1974. – С. 49.

⁵ Хаджаров М. Х. Стиль научного мышления в биологическом познании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orenburg.ru/culture/credo/02/63.html>. – Дата доступа: 25.09.2008.

Сферой функционирования стиля мышления являются как категориально-понятийная структура научной теории, так и различные формы практической организации мышления и рационального освоения действительности. При этом стиль мышления предстает как определенный способ организации, накопления и сохранения опыта рациональной деятельности, то есть выступает в качестве механизма селекции и трансляции норм рациональности, соответствующих данному типу культуры. При этом основу стиля мышления составляют предельно обобщенные схемы и программы человеческой деятельности, выражаемые системой категорий культуры – важнейшей предметной областью философского анализа.

Задача выработки категориальных структур, обеспечивающих выход за рамки традиционных способов понимания и осмысления объектов, во многом решается благодаря их философскому осмыслению, поскольку именно философия способна генерировать категориальные матрицы, необходимые для научного исследования, до того, как исследователь начинает осваивать соответствующие типы объектов. Именно этим обстоятельством обусловлена современная востребованность философского анализа категориального и методологического аппарата познавательной деятельности.

Это, в сущности, опережающее отражение явлений действительности обуславливает фундаментально-теоретическое значение философских исследований, их вклада в становление современного стиля мышления. Разумеется, всякий когнитивный конструкт представляет собой абстракцию от бесконечно многообразных форм жизнедеятельности реальных людей. Вместе с тем абстракция эмпирического многообразия позволяет постичь внутреннюю необходимость объективных процессов и, следовательно, служит научно обоснованной реалистичной основой стратегий и прогнозов развития сложных систем на различных уровнях. В свою очередь применение выдвинутых философией категорий в конкретно-научном поиске приводит к обогащению их содержания. Но для фиксации этого нового содержания вновь требуется философская рефлексия над наукой как особый аспект метатеоретического постижения действительности, в ходе которого и развивается категориальный аппарат философии.

«Триумфальное шествие» техницистски ориентированного научного познания ныне омрачилось пониманием его нравственной ограниченности, потенциальной опасности и даже, в предельном случае, виновности, – это представляет собой не что иное, как свидетельство набирающего силу процесса внедрения человеческих экзистенциалов в ткань научной рациональности.

Современная наука оказалась «осажденной» с разных сторон, подвергаясь критике на эпистемологических основаниях, будучи вынужденной отвечать на требование восстановить разорванную связь человека с природой, сталкиваясь с необходимостью учета и ассимиляции вневременных ценностных установок.

Связь институционально-целевой организации научных исследований с политическими, военными, промышленными структурами существенно модифицировала традиционный облик науки, некогда «блиставшей чистотой и бескорыстием». Вера в то, что только научное мышление способно «ухватить» природу, общество и человека, подобно совершенному зеркалу, отражающему некую внеисторическую, вселенскую объективную реальность, в настоящий момент расценивается как эпистемологическая наивность. Современная наука в значительной степени ориентирована на практические потребности, нередко отдавая свои обширные возможности и интеллектуальную мощь на откуп утилитарным программам достижения сиюминутного экономического эффекта.

В этих условиях одна из основных функций философии состоит в целостном осмыслении естественнонаучного знания, выявлении общего и особенного в логико-методологических инструментах познания, а также определении системных связей между наукой, культурой, общественными отношениями. В контексте проблем, связанных с глобализацией угроз, транзитивным состоянием и кризисами развития современного общества, происходит опреде-

ленный поворот от недооценки мировоззренческих факторов как регулятивов теоретического и практического освоения мира к пониманию первостепенной значимости и стабилизирующей роли такой смысловой формы теоретического мировоззрения, как философия.

В современном глобально изменяющемся мире первостепенную значимость приобретает способность человека прогнозировать развитие сложных систем со многими неизвестными. Это требует преодоления сложившихся стереотипов в гносеологии и методологии мышления, осмысления действительности в иных, более широких масштабах. Мир неисчерпаем в бытии и познании, неисчерпаем в своем развитии, которое охватывает первое и второе. Человек как субъект познания исторически ограничен в своих достижениях и возможностях, в средствах и формах познания. Старая кантовская проблема о границах нашего знания, о трансцендентном и трансцендентальном сознании приобретает сегодня новые аспекты, которые выходят за рамки чисто академического интереса в сферу практических задач.

В современной ситуации востребованным становится стиль мышления, который не замыкается, фиксируя противоречия окружающей действительности, с одной стороны, и не распадается, стремясь охватить все многообразие парадигм, подходов, интерпретаций, – с другой. Экстремистская нетерпимость и релятивистская мозаичность представляют кризисные тенденции в мышлении, продуцируемые самим «духом времени», ломкой старых стереотипов и форм в обществе, геополитике, культуре, индивидуальном жизненном мире. Современный стиль научного мышления призван конструктивно их ассимилировать, освоить множественность и противоречивость социокультурного опыта, обеспечить его поступательное осмысление в рамках категориальных структур теоретического уровня.

Конструктивный характер имеет сегодня мышление, которое, сталкиваясь с противоречиями действительности, находит в них не преграду, а импульс к саморазвитию; мышление, в котором гармонизированы синтезирующие и аналитические функции. В качестве существенной предпосылки такого мышления выступает постоянный внутренний диалог, ведущий к пониманию динамичной природы исследуемых объектов и явлений, их действительной, а не мнимой неоднозначности и противоречивости, осознанию того, что данная ситуация является отражением социокультурных трендов современной переходной эпохи.

Итак, мышление трансформирующегося общества имеет дело с противоречиями и с необходимостью отражает эти противоречия в своей категориальной структуре. В связи с этим необходимо концептуально переосмыслить формирующиеся в постсоветское время критические, порой негативные оценки диалектики как идеологизированной методологии естествонаучного и гуманитарного познания. Важно понять диалектику как живую развивающую теорию, пребывающую в постоянном взаимодействии, корреляции с современными течениями и традиционными парадигмами, обеспечивая их категориальный синтез, как теорию, откликающуюся на мировоззренческие, образовательные, культурные запросы современности. Какие эвристические функции способна сыграть диалектика сегодня? Как ее категории адаптируются в современном эпистемологическом контексте? Не менее важной задачей настоящего исследования является раскрытие мировоззренческого и образовательного потенциала диалектического мышления для современных практик в сфере образования, гражданского воспитания, идеологической работы.

Феномен мировоззрения обычно определяется как система представлений людей об окружающем мире и себе самих, о целях, ценностях, идеалах своей жизнедеятельности. Однако такое определение, фиксирующее формально общие признаки данного явления, не содержит указания на конкретно-исторические виды и формы мировоззрения, а также на внутреннюю противоречивость, амбивалентность его содержания. Именно здесь диалектический подход может выполнять упорядочивающую, гармонизирующую функцию. В данном случае речь идет не только о «снятии» противоположности, нивелирующем полярности синтезе. Значимость диалектического мышления (что зачастую упускалось и упускается исследовате-

лями) – в его способности «фиксировать» в собственном категориальном каркасе объективные противоречия окружающей действительности, осмысливать их как необходимые посылки развития, а не просто как «болезнь роста», которую следует устранить. Эта особенность диалектического метода незаменима в условиях современного переходного общества, переживающего кризисы и потрясения отнюдь не только мировоззренческого характера. Неслучайно современную ситуацию социальных трансформаций характеризует кризис самоидентичности: личностной, культурной, мировоззренческой.

Мировоззренческие ориентации не могут устоять под напором неуправляемых процессов и тенденций изменений окружающего жизненного мира современного человека, среди которых – переход к постиндустриальной экономике, глобализация, геополитические трансформации (развал социалистической системы, новые надгосударственные образования, миграция населения из бедных регионов в более благополучные страны), поликультурность и полирелигиозность среды повседневного существования, индивидуализация жизненных стилей и виртуализация общения. Сознание (как индивидуальное, так и общественное) оказывается в этой ситуации перед лицом объективных противоречий самой действительности. Культурологи, занимающиеся проблемами будущего, не случайно говорят об опасности «конфликта цивилизаций». Именно цивилизационные, исторические особенности мировых сверхкультур начинают играть все большую роль на международной арене. И конкретная экономическая конфигурация какого-либо крупного государственного образования, и его политика, и его военная мощь представляют собой лишь технократическое выражение особенностей данной культуры, народа с присущим ему мировоззрением. Победы и поражения на современной глобальной арене зарождаются прежде всего в культурном самосознании нации.

Таким образом, особое значение диалектические интенции в общественном мировоззрении приобретают в периоды экономических, политических предкризисных и кризисных ситуаций, когда на поверхность всплывают различные социальные, национальные, конфессиональные интересы и противоречия, когда сложившиеся стереотипы сознания и поведения, оптимизм и апологетика сменяются потоком разноречивых мнений, суждений, представлений, оценок, критики и растерянности. Поверхностный характер этих явлений выражает более глубокие причины, лежащие в их основе, требующие изменения сознания, выработки адекватного стиля мышления. Именно диалектика стимулирует к поиску путей, позволяющих избежать крайностей «посткризисного» мышления – догматизма и скептицизма.

Теоретическое мышление всегда является той или иной степенью идеализации («категоризации») мировоззренческих установок своей эпохи. Современная трансформация практически всех сфер общественного бытия влечет потребность трансформации способа его теоретической категоризации, изменения стиля мышления, который в свою очередь оказывает обратное воздействие на практику и ее ментальные основания.

Чтобы постичь, а главное – сознательно регулировать направление трансформаций, необходимо уяснить специфику современных категориальных структур, соотношение различных способов понятийной идеализации, характерных для современной методологии гуманитарного познания. Важнейшей задачей является прояснение их прямого и имплицитного влияния на процессы формирования сознания, дифференциацию мировоззренческих позиций и интересов людей, социальных групп, наций. Это будет способствовать переориентации мышления на новые реальности, по-разному открывающиеся сознанию с различных социальных, культурных, цивилизационных и геополитических позиций.

В ситуации переоценки традиционных ценностей остро стоит потребность взаимной адаптации и гармонизации паттернов различных культур, религий, социальных укладов, что актуализирует герменевтические интенции в методологии социогуманитарной науки. Герменевтический подход привносит установку на понимание, вчувствование, вживание в позицию «собеседника», субъекта диалога и оппонента одновременно. Вместе с тем, по словам Х.-

Г. Гадамера, «герменевтика занимает соответствующее ей место и в теории науки, если она открывает внутри науки с помощью герменевтической рефлексии условия истины, которые не лежат в логике исследования, а предшествуют ей»⁶. Выяснение условий предпонимания – основа методологии герменевтики, которая диалектически требует одновременной экспликации пространства непонимания, области «слепого пятна», определения границ и условий возможного диалога.

С диалектических категориальных позиций герменевтический подход успешно можно интерпретировать, во-первых, в русле историцизма (неслучайно П. Рикёр озаглавил одно из главных своих произведений «История и истина»), во-вторых, в русле особого рода онтологии – онтологии субъективного мировосприятия (что тождественно объективному существованию вещей, событий, ценностей в терминологии И. Канта «для нас»), «...Мы подошли к конституированию исторической объективности как коррелята исторической субъективности»⁷. На наш взгляд, данный категориальный схематизм применим к чрезвычайно актуальной проблеме межкультурной коммуникации, где установка на объективную значимость локальных картин мира, ценностей и целей деятельности поможет достичь взаимопонимания и избежать конфликтов. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов объективные противоречия между отдельными культурными и социальными паттернами различных общностей, чья острота не снимается смысловой гармонизацией исходных установок. Это позволит реалистично оценивать взрывоопасные очаги современности и противостоять им, руководствуясь теоретически обоснованными рекомендациями.

Важнейшей составляющей современной общенаучной методологии является синергетический подход. Эта востребованность объясняется следующими обстоятельствами: во-первых, динамичностью и очевидной переломностью современной социокультурной ситуации, очевидной наличностью на современном этапе тех самых «точек бифуркации», о которых много говорится в синергетике; во-вторых, во многом непредсказуемым характером самодвижения, самоорганизации человекообразных систем, включающих в свой ареал и биосферу, и околоземное пространство в Космосе.

Самоорганизация не исключает структурной обусловленности, то есть объективной необходимости как автопойезиса (самовоспроизводства, самоподдержания стабильности системы), так и бифуркации (неравновесного состояния, возникающего в силу внутренних противоречий самой системы, влекущего ее трансформацию). Так, объективность в истории общества и социальная синергия, вопреки распространенному мнению, не являются взаимоисключающими, а напротив, взаимно предполагают друг друга. «Сущность автопойезиса истории не в его содержании... а в том, что самопорождение здесь принадлежит не человеку а эволюционному процессу как таковому: этот процесс сам, то есть объективно, без субъектного участия человека, порождает себя тем или иным способом, задавая человеку роль лишь носителя объективно, автопойетически движущейся истории. Таким образом, свобода человека, которая есть ничто иное, как его субъектный автопойезис, и автопойезис истории – две эти вещи на метафизическом уровне, то есть в сущностном смысле, взаимно исключают друг друга»⁸.

Таким образом, в синергетической версии постклассической картины мира каждый раз заново возникающая направленность не только синхронна событиям, но тождественна им, эта направленность содержательно предзаданна, хотя внешне и имеет форму ненаправленности, спонтанности. Это указывает на то, что императив нелинейности в постклассической науке

⁶ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988.-С. 114.

⁷ Рикёр П. История и истина. – М.: Алетейя, 2002. – С. 45.

⁸ Косарев В. М. Историцизм эволюционной этики (к философии истории Ф. А. Хайека) // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития / под общ. ред. проф. О. И. Кирикова. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – Кн. 9. – С. 98.

согласуется с диалектической методологией и даже в значительной степени генетически вытекает из ее принципов.

Это дает возможность говорить об имплицитном присутствии диалектических аспектов в современных категориально-методологических системах, о наличии параллелизмов и генетических связей рассмотренных выше подходов с диалектической традицией. Таким образом, речь идет о сохраняющейся перспективности конституируемых на ее основе когнитивных моделей для нужд современности в познавательной, коммуникативной, образовательной сферах.

Важное место в системе философского знания занимает исследование качественной специфики логико-методологического аппарата наук о человеке и культуре. Именно здесь преодоление односторонней ортодоксально-каузальной трактовки детерминизма приобретает первостепенную значимость. Именно в сфере социального знания существует опасность подмены взаимодействия односторонним действием, что ведет к недооценке гуманистической составляющей социальных систем, превращения ее из цели в средство. Необходимость теоретико-мировоззренческого обоснования путей гуманизации общественных наук стала определяющим мотивом в работах, посвященных соотношению субъективного и объективного в исследованиях человеческого существования. Важное место в современных исследованиях продолжает занимать проблема сознания – одна из самых неисчерпаемых, самых глубоких в истории всей мировой философии.

Нахождению основы для синтеза различных составляющих человеческого бытия и его осознания будет способствовать философская разработка категории деятельности. Это направление «способно раскрыть механизмы такого синтеза с учетом исторического аспекта его развития... найти тот методологический ключ, который открывает выход за рамки противопоставления объективного метода субъективистскому. Анализ деятельности ведет и к пониманию той соразмерности субъективной деятельности объективным свойствам и отношениям, которая объясняет, почему рациональная составляющая нашего сознания, наше мышление и наше знание становятся базисными, а иррациональные моменты в деятельности сознания и мифологемы таковыми в современном мире стать не могут»⁹.

Еще одна актуальная тенденция, сопряженная с характеристиками современного стиля мышления, связана с распространением сетевых парадигм в современной науке, экономике, культуре в качестве восходящей организационной формы. Хочется особо отметить крайне важный, но еще малоисследованный аспект анализа сетевых структур – акцент на ценностных параметрах данного феномена в отличие от его широко распространенной информационно-технологической интерпретации.

Складывающаяся социальная реальность в Республике Беларусь, странах СНГ и мировом сообществе обнаруживает довольно острые противоречия, которые для своего понимания и разрешения требуют новых подходов, учета ценностного измерения в цивилизационной динамике как неотъемлемого компонента системно-сетевых постиндустриальных трансформаций культуры, общества, человека. Представляется, что становление междисциплинарных парадигм теоретического анализа социокультурной целостности нуждается в комплексе взаимосвязанных методологических и мировоззренческих средств, адекватных сложности объекта, раскрывающих природу многоуровневой, динамично развивающейся социальной реальности, организационную и структурно-функциональную специфику которой многие современные теоретики определяют как сетевую. «Само понятие "сеть" уже стало универсальной метафорой в конце XX в.: сетевая экономика, сетевая логика, нейронная сеть, сетевые структуры, сете-

⁹ Широканов Д. И. Соотношению субъективного и объективного в исследованиях человеческого существования // Проблема гражданской ответственности: материалы ежегод. схода в Беларуси. философия. т. 11. – Минск, 1996. – С. 11.

вой интеллект, сетевой график... В то же время развитие Интернета лишь повторяет развитие социума»¹⁰.

Сетевые трансформации в современной культуре отличает, прежде всего, отказ от иерархического принципа организации и структурирования социальных институтов на разных уровнях общественных взаимодействий – от семьи и школы до экономики, политики и государственного управления. Такая тенденция – следствие постиндустриальных трансформаций, утверждения принципиально нового способа общественного воспроизводства материальных и духовных благ, становления информационной цивилизации в глобальном масштабе. В этом контексте, например, Дж. Нейсбит, противопоставляя уходящие (иерархические) и восходящие (сетевые) формы организации в политике, экономике, общении, констатирует тенденцию децентрализации политической власти в США, переход инициативы к местным властям и гражданскому самоуправлению. «Мы не хотим сильного лидера в вопросах государственного масштаба, потому что мы в основном управляем сами собой. И мы постепенно распространяем идею демократии на корпорации... Этому новому развивающемуся миру потребуются новые структуры. Мы начинаем уходить от иерархий, которые отлично работали в индустриальную эру, эру централизации»¹¹.

В своей работе «Информационная эра: экономика, общество и культура» профессор М. Кастельс предпринимает развернутый анализ современных тенденций, приводящих к формированию основ общества, которое он называет сетевым. «Прежде всего, я хотел бы дать определение понятию сетевой структуры, роль скоро последняя играет столь важную роль в моей характеристике общества информационного века. Сетевая структура представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов. Конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь. К ним относятся рынки ценных бумаг и обслуживающие их вспомогательные центры, когда речь идет о сети глобальных финансовых потоков. К ним относятся советы министров различных европейских государств, когда речь идет о политической сетевой структуре управления Европейским союзом... к ним относятся телевизионные каналы, студии, где готовятся развлекательные передачи или разрабатывается компьютерная графика, журналистские бригады и передвижные технические установки, обеспечивающие, передающие и получающие сигналы, когда речь идет о глобальной сети новых средств информации, составляющей основу для выражения культурных форм и общественного мнения в информационный век»¹².

Основная закономерность развития и сетевого взаимодействия наук, а также различных областей духовного опыта человечества выражается в неиерархическом характере их дифференциации и интеграции. Будучи диалектической по своему содержанию, сетевая конфигурация отражает как специфику отдельных наук, которая с углублением знаний возрастает, так и общность, единство наук, предметом которых выступают природа, общество и человек. Знание всеобщего в системе его отношений с конкретными сторонами, сферами, элементами целого углубляется через особенное, через понимание фрагментов опыта в контексте целого, постижение тенденций изменений, выявление перспектив трансформации и развития взаимосвязанных систем различного происхождения.

Отличительной особенностью и достоянием философского знания является концептуальная целостность системы взглядов о мире и человеке, анализ их единства: человека-в-мире и мира-в-человеке; логическая последовательность и доказательность системы философских знаний, опирающихся на человеческий опыт, науку и культуру. Именно они обуслови-

¹⁰ Нейсбит Дж. Мегатренды. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – С. 47.

¹¹ Нейсбит Дж. Мегатренды. – С. 47.

¹² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана; Гос. ун-т «Высш. шк. экономики». – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 [1] с.

вают одну из важнейших функций философии, связанную с критическим и верификационным отношением к опыту и знаниям человека, к его ориентации в мире и формированию системы ценностей.

1.2. О синтезе целостности в трансдисциплинарном аспекте

Традиционная методология познания социальных процессов идет от явного, зримого, от «онтологии фактов», руководствуясь детерминистской, логико-аналитической парадигмой и материальной предзаданностью бытия, никак не задаваясь вопросом: почему вся организация материального мира такая, а не какая-нибудь иная? Мы же делаем акцент на орудийном оснащении этого познания в категориях всеобщего, исходя из установок системного синтеза знания и идя путем *объективации транснаучной, а точнее трансдисциплинарной, парадигмы*.

Углубление и расширение форм и методов постижения и освоения мира естественного и мира социального, происходящие ныне в лоне науки и философии и сопровождающиеся трансформацией базовых ценностей этих наук, – это отнюдь не «странный артефакт» и не очередной случайный зигзаг истории, а вполне закономерный этап становления и самоосуществления современной мысли, реализующей тезис: *«Наука есть способ самоосознания сущего»*. И поэтому на фоне успехов современной науки и переоценки прежних добытых ею ценностей новый смысл обретает замечание А. Пуанкаре, на которое некогда ссылался В. И. Ленин: «Единственная настоящая объективная реальность есть внутренняя гармония мира»¹³.

Сегодня существует достаточно оснований говорить о том, что в своих базовых контурах в современной цивилизации прорисовался *Третий Путь социального самосозидания общества. И мы вправе рассматривать его в качестве нового общественно-исторического и общественно-экономического уклада под названием «гармонизм» в дополнение к уже заявившим о себе и получившим некое материальное преосуществление капитализме и социализме (коммунизме)*. Материализм, идеализм, гармонизм, соответствующие трем началам бытия, есть, таким образом, три рода мировоззрений, последнее из которых ныне испытывает процесс становления, наполнения соответствующими ему смыслами. Это мировоззрение, отвечая вызовам времени, непосредственно связано с теорией и методологией устойчивого развития и самоорганизации сложных систем, в частности – общества, а говоря вообще – с теорией эволюции систем, поскольку, согласно одному из современных определений, *эволюция – это стремление к Гармонии*¹⁴.

Всякая сколько-нибудь значимая теория возникает и развивается в удовлетворение соответствующих назревших, соразмерных времени, насущных масштабных социальных потребностей. Она и появляется на свет в качестве ответа совокупного общественного интеллекта на этот социальный заказ, выдвинутый со стороны общества. Именно такой была логика, разработанная Аристотелем для нужд Александра Македонского, вознамерившегося образовать империю на необозримых просторах земной Ойкумены. Ее вообще следует рассматривать в системе управления массами людей как инструмент воздействия на представителей нижестоящих уровней управленческой пирамиды, как действенное орудие доказательства истинности тех положений, которые угодны тем, кто эту пирамиду возглавляет. Уже сам принцип бинарных оппозиций типа «да-нет», «истина-ложь», «хорошо-плохо», «прекрасное-безобразное» и других страхует от непониманий и недоразумений хотя бы тем, что здесь полновластно действует так называемый закон исключенного третьего, допускающий выбор лишь в ключе «либо-либо». Это придает силу онтологического статуса только одной из противоположностей (полярностей) и, согласно этому закону, оставляет не выбор на пути к установлению компромисса, а только лишь возможность агрессии и борьбы за полное ниспровержение того, на чем зиждется другая противоположность.

¹³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. – Т. 18. – С. 170.

¹⁴ Янюк В. Ф. Философия гармонии. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. – 93 с.

Поэтому главный принцип «Divide et impera!» («Разделяй и властвуй!») выражает суть древовидной структуры, иерархии, порождаемой как действием логического аналитизма, когда познание идет путем разделения сложного на более простые составляющие, так и властными полномочиями поступающего точно так же первого лица империи, светской либо религиозной.

Но «век империй» с персонифицированным абсолютистским субъектом на вершине власти закончился по неумолимым законам истории уже в начале XX в. Это факт, который не смогли узреть и постичь позднее, на протяжении всего столетия, новоявленные диктаторы, претендующие на построение «тысячелетнего рейха» в том или ином его воплощении. Принцип «разделяй сложное на простые составляющие, целое – на части и исследуй их по отдельности» как основной в познании также остался и действует и поныне. Его привнес в эпистемологию и утвердил Р. Декарт. В теории познания, не в пример ситуации на социальном фронте и в сфере организации общества, этот картезианский принцип до сего времени играет главенствующую роль. С одной стороны, объект рассматривается как система, так или иначе устроенная, обладающая определенной структурой, которую подлежит выявить, а с другой – субъект, который и призван заниматься этим, постигая сущность объекта, наводя ясность в вопросах о его строении и содержании.

Поскольку империи, царства, княжества, тирании возникали и существовали в разных формах, сменяя друг друга, более двух тысячелетий, то и логика была на своем месте, пока человечество пребывало в своей предыстории. Она служила основным орудием познания, но со времен Ф. Бэкона на ее основе генерируется множество практически верифицируемых узкоспециальных ветвей знаний. Почему «со времен Бэкона»? Потому что написанный им «Новый Органон», поставивший логику на фундамент практики, эксперимента, опытной проверки знаний, ознаменовал водораздел в культуре познания, подведя черту многовековому господству в умах прежней логикоцентристской парадигмы. Основания последней изложил Аристотель в «Органоне», но со временем она выродилась до чисто схоластических мыслительных упражнений. В 1913 г. П. Д. Успенский, ученик легендарного основателя «Четвертого пути» Г. И. Гурджиева, опубликовал «Третий Органон», где провозгласил снятие границ между субъектом и объектом познания, что впоследствии было поддержано М. К. Мамардашвили. И это означало открытие новой эры в познании, когда науки гуманитарного цикла и естествознание начали свой долгий путь к поиску объединяющих их начал и оснований, что в конце концов завершилось установлением статус-кво трансдисциплинарного направления исследований, связавшего оба классических направления на основе всеобщих принципов познания.

К настоящему времени процесс ветвления знания по областям, у каждой из которых своя предметная специфика, зашел столь далеко, что кажется немислимой и даже абсурдной, кощунственной, если не крамольной, сама мысль об их возможном соединении в одно целое. В нынешнем виде наука, аналитическая по существу, представлена множеством преподаваемых в университетах дисциплин, профилированных по предметным спецификам.

Сегодня новый, кардинальный поворот в науке связан с развитием системного мышления, а следовательно, с гармонизационными процессами, приближающими человека к познанию самого себя и к красоте, к синергии и мере, к экономии сил и материальных ресурсов, научающими его трудиться по принципам системной оптимальности – с минимумом непроезжих издержек. Появились науки обобщенные, междисциплинарные, несущие в себе метазнание. Они, поднявшись над узостью и программной алгоритмичностью логических правил и схем, вскрывают всеобщее и особенное во множествах и сообществах, представляя их как единое, как коллективно функционирующие разного рода статистические ансамбли, кооперации, формирования. Выражая базовые свойства последних на основе параметров порядка, различных интегральных мер, их инвариантов и узловых значений в качестве орудийного оснащения создаваемых познавательных стратегий, эти новые отрасли знаний доставляют и весьма нетривиальное знание.

Механистический детерминизм, уподобленный Нобелевским лауреатом И. Р. Пригожиным «карикатуре на науку», оказался бессильным в теории функционирования ансамблей, совершающихся в них движений, процессов их гармонизации: «Цивилизация достигла необычайных высот в искусстве расчленения целого на части, а именно в разложении на мельчайшие компоненты. Мы изрядно преуспели в этом искусстве, преуспели настолько, что нередко забываем собрать разъятые части в то единое целое, которое они некогда составляли»¹⁵. Это признание выражает глубокий кризис, постигший современную цивилизацию, потонувшую в детерминизме, рационализме, логико-анализе при почти полном игнорировании системного синтеза, науки интеграции, восстановления гармонии и целостности.

Здесь показал свою состоятельность и силу системный подход, использующий статистико-вероятностные методы. «Проклятье размерности» оказалось тем камнем преткновения, где кончалась компетенция детерминизма и начиналось господство методов системного подхода, синергетики и гармонистики, оперирующих ансамблями, то есть по существу наборами разномасштабных составляющих – модулей, блоков, вообще субъединиц, приводимых к одному и тому же единству. Если детерминизм делал акцент на иерархии знания, его типологии и классификации, формируя древовидно разветвленные узкопредметные, специализированные науки, то трансдисциплинарное знание иное по своей сути.

На сегодняшний день таких обобщенных ветвей знаний, можно сказать, относящихся к метауровню науки, существует уже достаточно много, и это множество продолжает расти. Среди них выделяются различные версии общей теории систем и порожденные в их лоне, преемственные с ними по идейному оснащению синергетика (наука о самоорганизации, кооперации, возникновении новых качеств), диатропика (наука о разнообразии), гармонистика (наука о законах и процессах гармонизации и дисгармонизации в природе и обществе), миксеология (наука о гармонизованных смесях, составах, ансамблях), трибофатика (наука об усталостных разрушениях сложных систем) и другие из этого ряда, ориентированные на развитие методов синтеза. В двуединстве «анализ-синтез» обеспечивается полнота и целостность знания, которую не могут гарантировать ни те, ни другие методы, идя порознь.

Фактор разнообразия в строении неравновесных самоорганизующихся и функционирующих систем является определяющим в их нормальном, естественном, эффективном существовании. Отсутствие внимания к нему, забвение его роли в обеспечении качества целого, его центрирующего влияния на процесс становления, эволюционного вызревания системы безотносительно к специфике последней, вообще в методологии системцентризма, чревато многими патологиями и большими издержками в функционировании и развитии прежде всего общества как самоорганизующейся, эволюционирующей структурно неравновесной системы. Как считает крупнейший специалист в области теории систем Э. Ласло, «люди в Соединенных Штатах и Европе имеют обыкновение думать, будто все хотят жить, как они, и походить на них, а все остальное – изыски и претензии... Но во взглядах людей на себя, общество, природу, свободу и справедливость сохраняется большое разнообразие. Бесконтрольно действующий, скроенный по американским лекалам глобализм приводит к тому, что происходит недоучет или просто недооценка культурного разнообразия мира. Это было одной из причин того, что породило кровавые бои в Ирландии, Югославии, на Ближнем Востоке, в арабском мире, в Африке, Латинской Америке, на Индостанском субконтиненте и в Юго-Восточной Азии, привели к террористической атаке на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 года»¹⁶. Этим высказыванием специалиста по проблемам общей теории систем, известного на весь мир своими трудами по трансдисциплинарным методам познания, подчеркнута значимость фактора

¹⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – С. 11.

¹⁶ Ласло Э. Макросдвиг. К устойчивости мира курсом перемен / пер. с англ. Ю. А. Данилова; предисл. А.-Ч. Кларка. – М.: Тайдекс Ко, 2004. – С. 75.

разнообразие в глобальном аспекте – в макромасштабе организации общества и социальной жизни.

Трансдисциплинарность (от «транс» – «сквозь», «через») – это то, что возвышается над предметно-дисциплинарными ветвями, стоит над ними отвлеченно от частных, «явленческих» реалий, от специфики и конкретики субстрата, которым занимаются профильные науки, представляя собою концентрат методов синтеза. Она зиждется на обобщенных принципах, существуя как бы на правах метазнания, в согласии с тем, что определил лауреат Нобелевской премии Э. Вигнер: явлениями управляют законы, а законами – обобщенные принципы («питаются ими», по его выражению). Последние и есть основа меж – и трансдисциплинарных представлений, тогда как сами естественные явления в многообразии их специфик суть предмет дисциплинарных ветвей знания. И это наводит на мысль о необходимости кардинальной перестройки всей науки на основе включения в ее основания и активного использования всеобщих, трансдисциплинарных, метанаучных принципов – принципов более высокого уровня общности, способных охватить все отдельные узкопрофильные науки, послужив для них средством синтеза знания, интегратором.

Проблема ухода от веками сложившихся схем с каждым годом звучит все настоятельней. Она опирается на концепцию разнообразия как альтернативу классической логико-аналитической, детерминистической науке. Жизнь показала, что этот процесс ветвления достиг сатурационного предела и испытывает кризис в дальнейшем наращивании знаний. Уже к середине XX столетия стало ясно, что аналитический метод, связанный с расщеплением целого на части и представляющий картезианскую парадигму в науке, исчерпал свои возможности. К тому же его развитие сопровождалось утратой духовности человека и общества, что не могло не совершиться «чистым разумом» – этой главной опорой аналитизма и рационализма, по причине узурпации им когнитивного пространства творческого субъекта, что было подвергнуто критике еще И. Кантом. Аналитизм, рассекающий сложное на простые составляющие, мертвит и обедняет (и это, пожалуй, его основной недостаток), ибо «части лишь у тупа» (Г.-В.-Ф. Гегель). Признаки вырождения картезианского метода увидел еще К. Маркс. Он прогностически отметил, что в будущем обе ветви знания – наука о природе и наука о человеке – станут одним; это будет одна наука. И такое время уже становится явью на стыке тысячелетий.

Потребность следовать путем обобщения знаний всегда была желанной у тех, кто занят поиском истины. Еще Аристотель отметил, что «предмет всякого познания – общее»¹⁷, а потому «знание обо всем необходимо имеет тот, кто в наибольшей мере обладает знанием общего»¹⁸. В. И. Ленин также призывал к тому, чтобы во всех случаях стремиться находить общие решения проблем и на каждом шагу вновь и вновь не наткнуться на одни и те же частные вопросы.

Но одно дело – получение общего знания в рамках аналитической парадигмы, и совсем другое – в рамках стратегий системного синтеза. Еще в Екклесиасте обозначены «время разбрасывать камни» и «время собирать камни» (Еккл 3:5) – времена качественно неравнозначные: за ними угадываются масштабные обстоятельства принципиально разные, прежде всего в стратегическом плане.

Контур такого стратегически переломного момента в смене ориентаций науки четко определил Э. Тоффлер. По его словам, культура человечества прошла две волны – с аграрным и индустриальным укладами. Вторую волну создавали «мыслители-картезианцы», основное орудие которых – аналитизм, логика как последовательность необходимостей. Третью, нынешнюю, волну (информационное общество) создают «мыслители-системщики». «Демократы и республиканцы, тори и лейбористы, христианские демократы и голлисты, либералы и соци-

¹⁷ Аристотель. Сочинения: в 4 т. / под ред. В. Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 349.

¹⁸ Там же. – С. 68.

алисты, коммунисты и консерваторы... – партии Второй волны. Все они, обманывая ради власти... участвуют в сохранении умирающего индустриального порядка... Самый важный момент политического развития нашего времени – это возникновение среди нас двух основных лагерей, один из которых предан цивилизации Второй волны, а другой – Третьей»¹⁹.

Интерес к системогенезу пробудился еще в XIX в., но у него было два исхода. Он наталкивался либо на абсолютную неразработанность самого предмета исследования в наиболее общей его формулировке, в силу чего вынужден был ограничиваться доступной идеей иерархии, либо на откровенно гротескные пассажи сатириков, которые не находили в этом предмете обобщенных путей его саморазвития, кроме застройки по принципу идеи иерархии. Например (и это характерно для первого случая) К. Маркс отметил, что всякая целостность (*Totalität*),

¹⁹ Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – С. 687.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.